
РЕЦЕНЗИИ

TRAGÉDIA DOBY, ČLOVEKA, LITERATÚRY
(Трагедия эпохи — трагедия человека (писателя):
их воздействие на художественную литературу).
Нитра: Университет им. Константина философа,
2011. — 344 с.)

Сегодня реже стали цитировать слова Т. Адорно: «Писать стихи после Освенцима — это варварство». Но споры о том, возможно ли художественное творчество и каковы его сущностные черты ПОСЛЕ (и в хронологическом контексте ДО) Освенцима, ГУЛАГа и Хиросимы, не ушли в небытие. Кто-то утверждает: «Когда стремление духа к вершине искусства подменяется стремлением тела к высотам признания — это поэзия „освенцима“... Освенцим стал бьеннале культуры риторического человеколюбия, выражением многих и многих творческих мук, мезью за эти муки и самими муками одновременно». Другие, как бы споря, продолжают: «Русская классика с ее морализаторством, культом „маленького человека“, „униженных и оскорбленных“ формировала революционное сознание и, в сущности, виновата в русской трагедии XX века: в Смуте 1917 г., в Гражданской войне и ГУЛАГе». Подспудно читателя подталкивают к выводу: мол, хочешь благополучия — не читай «ложной сложной литературы», не морочь себе голову философиями, не терзай душу нравственными исканиями; все что нужно телу + мозгу получишь в храмах общества потребления: мегамаркетах и теле- (более-менее реалии)-шоу.

[После трагедии XX в.] «Человек отменяется...» Но отменим ли человек? В контексте этих дискуссий следует рассматривать изданную в словацком городе Нитре коллективную монографию «Tragédia doby, človeka, literatúry» («Трагедия эпохи, человека, литературы»). Авторы из Словакии, России и Чехии (потому ее рабочими языками стали русский, словацкий, чешский) предприняли попытку сквозь призму литературы рассмотреть именно те проблемы, которые волнуют современного человека: природные, социальные, космические кризисы, шок, стресс. Отправной точкой, толчком для размышлений стали жизнь и творчество Ф.М. Достоевского, «испытывавшего чувство эруптивно-максимального шока и потрясения (смертный приговор, две минуты жизни, которые ему осталось прожить до смерти)», а также жизнь и творческий путь М. Булгакова, который испытывал на себе

жестокости тоталитарного режима. От интерпретации онтологических, аксиологических и психологических проблем классиков авторы работы шли к проблемам творчества писателей XIX и XX столетий. Несмотря на то, что психолого-онтологические, эстетико-философские истоки шока и потрясений близки, их индивидуальные, социальные и исторические проявления своеобразны. В связи с этим авторы монографии выходят на исследование проблемы традиции и новаторства в литературе, подготавливая почву для изучения русской и мировой литературы, «сконцентрированного не только на сингулярных стимулах (Достоевский и Булгаков как символы трагичности эпохи, отраженной в литературе), но и на литературном процессе обоих столетий в целом». И не случайно в качестве импульса для размышлений авторами данного труда взяты именно эти писатели. Так, А. Эйнштейн подчеркивал, что Достоевский дал ему больше, чем любой мыслитель всех времен.

Данная монография — это своеобразный диалог творческого сознания писателей разных поколений, их жизненного опыта, писательского мышления, а также персонажей, включенных в произведения. Это диалог культур, диалог столетий, диалог литературных произведений. Достоевский, стоя на эшафоте, познал, что есть последние минуты жизни, потрясение от которых он впоследствии донесет до читателя. «Достоевский пережил такое потрясение и возвращался к нему в своем творчестве. Он был мастером изображения микрореальности онтологии человека. Но гениальность, заставившая его искать начала и концы Бытия, которые от нас спрятаны, направляла его по пути познания и мегареальности онтологии человека. Он чувствовал, что Все связано со всем».

Коллективная монография состоит из Предисловия (автор — Наталья Муранская), Введения (автор — Андрей Червеняк), которые дают обоснование темы и вводят читателей в круг описываемых проблем, настраивая адресата на восприятие содержания и включая в совместную мыслительную деятельность; двух основных частей («Стимулы достоевсковедения», «Стимулы булгаковедения»), а также Заключения, написанного Л. Голиковой и Н. Муранской.

Первую часть («Стимулы достоевсковедения») представляют статьи «Člověk DO a PO tragické udalosti v obraze literatury» («Человек ДО и ПОСЛЕ трагических событий в зеркале литературы») (А. Червеняк); «Společenské zvraty a žánrová rovaha literatury» («Общественные перевороты и жанровая природа литературы») (И. Поспишил); «Hledání identity: Zápisky z podzemí jako oscilace mezi vědomým a ne vědomým» («Поиски идентитета в сознании и подсознании. На материале „Записок из подполья“») (Й. Дошнал); «Zrkadlo doby v zrkadle jazyka» («Зеркало времени в зеркале языка») (Е. Деканова); «„Идиот“ — о „положительно-прекрасном“ человеке» (С.М. Минасян); «Idiot a Don Quijote věčně živí» («Идиот и Дон Жуан вечно живы») (П. Яник); «Ф.М. Достоевский и Ф.М. Решетников» (В.Б. Королёва); «И.А. Бунин и Ф.М. Достоевский «Человек из подполья» (Т.Я. Каменецкая); «Tri osudy Ivana Bunina» («Три судьбы И. Бунина») (Л. Паучова); «Достоевский и кризис культуры в трактовке Андрея Белого» (Л.А. Сургай); «Онтология русскости в „Дневнике писателя“ Ф.М. Достоевского» (К. Уразаева); «Элита абсолюта Н. Лосского и духовный опыт Ф. Достоевского» (Е.В. Евпак, О.В. Пичугина); «Почему сегодня (не)читают Достоевского, или К вопросу о фенотипе рус-

ской литературы (социодинамический аспект) (Т.В. Коренькова, А.В. Кореньков); «*Čítame Dostoevského a Bulgakova*» («Читаем Достоевского и Булгакова») (А. Репонь); «*Fenoméni implicitnosti v tvorbe F.M. Dostoevského*» («Феномен имплицитности в творчестве Ф.М. Достоевского») (С. Лопушна); «*Tragédia človeka a sveta v Čechovovej rannej tvorbe*» («Трагедия человека и мира в раннем творчестве Чехова») (М. Антош); «*Sen smiešneho človeka Imre Madácha*» («„Сон смешного человека“ Достоевского и „Трагедия человека“ Имре Мадаха») (А. Сокол); «*Dialog s Dostoevským v tvorbe Egona Hostovského*» («Диалог с Достоевским в творчестве Э. Гостовского») (Р. Гржибкова); «*Мир Достоевского в прозе Вл. Варшавского*» (М. Васильева); «*Z večnosti do večnosti*» («Из вечности в вечность») (Й.С. Кузмова).

Вторая часть («Стимулы булгаковедения»), существенно уступающая по объему первой, включает в себя статьи «*Drama Batum v kontextu záverečnej etapy Bulgakovova života*» («Пьеса „Батум“ в контексте финального этапа жизни Булгакова») (И. Рычлова); «Тютчевская рецепция в романе М.А. Булгакова „Белая гвардия“» (М.Ю. Белкин); «*Od Bulgakova k Sorokinovi. Tragický pocit ruského intelektuála 20.storočia*» («От Булгакова к Сорокину. Трагические чувства интеллигента 20 столетия») (М. Куса); «„Я делал историческое дело — упрямо оставался человеком“ (И. Губерман)» (А.Н. Штырова); «*Tragédia postáv poviedky Viktora Astafieva L'udočka*» («Трагизм героев повести В. Астафьева „Людочка“») (И. Валова); «*Tragédia ruského človeka v tvorbe V.Sorokina*» («Трагедия русского человека в творчестве В. Сорокина») (З. Лоркова); «*O novelách Valentína Grigorieviča Rasputina*» («О новеллах Валентина Григорьевича Распутина») (М. Ковачова).

Заключительная статья Л. Голиковой и Н. Муранской «Человек и литература в исторической ретроспективе и (бес)перспективе» подытоживает изыскания авторов сборника.

Авторы труда «*Tragédia doby, človeka, literatúry*» проследили тенденции и закономерности изменения творческого видения, социальных, антропологических качеств писателей ДО и ПОСЛЕ перенесенных ими потрясений и кризисов; а также выявить влияние этих изменений на творчество И.А. Бунина, А.П. Чехова и др. в аспектах эволюции формы и содержания, жанровой поэтики и пр.; а также обосновать свои представления о роли и месте художественного и философского наследия Ф.М. Достоевского и М.А. Булгакова в литературе XIX—XXI столетий, т.е. времени, «когда происходит диалог и соревнование между аутентичным знакомством с литературой и интернет-чтением, когда техносфера заглушает сферу духа, а прагматизм и эмпиризм жизни сводят искусство и культуру в область шоу, интертеймент-экспериментаторства».

Рецензируемое коллективное исследование представляет научный интерес как для филологов, философов, так и для всех тех, кто интересуется вопросами природы человека и другими философскими проблемами, получающими осмысление в художественной литературе.

Бреусова Елена Ивановна
(Сургутский государственный педагогический университет)